

Даниил Олегович Тузов
профессор кафедры гражданского права СПбГУ,
доктор юридических наук, *dottore di ricerca*
(*Roma, La Sapienza*)

О конкуренции исков собственника при последующем отчуждении вещи ее приобретателем по недействительной сделке

Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
ВС РФ от 09.10.2017 № 308-ЭС15-6280

1. Если переданная по недействительной сделке вещь перешла по последующей сделке к третьему лицу, то защищать свои интересы собственник по действующему законодательству может двумя способами: а) виндикацией собственной вещи от третьего лица (если, конечно, последнее не стало собственником на основании ст. 302 ГК РФ как добросовестный приобретатель); б) получением от контрагента по недействительной сделке стоимости вещи в порядке компенсационной реституции (ст. 167 ГК РФ: в зависимости от конкретных обстоятельств дела это может быть односторонняя реституция, если собственник не получил встречного предоставления, или же, в противном случае, элемент двусторонней реституции).

Как соотносятся эти конкурирующие требования друг с другом? Возможно ли их одновременное осуществление? Препятствует ли осуществление одного из них реализации другого? Казалось бы, очевидно, что реальное осуществление обоих притязаний привело бы к неосновательному обогащению собственника. Каков же должен быть превентивный механизм, направленный на недопущение обогащения собственника еще на стадии защиты им своих интересов?

Ни закон, ни доктрина, ни судебная практика не дают ответов на эти вопросы. Исключение, впрочем, составляет специальная ситуация, а именно когда собствен-

ник находится в состоянии *банкротства*. Применительно к ней в практике ВС РФ уже выработались некоторые правила, направленные на недопущение одновременного осуществления собственником двух притязаний — реституции против контрагента по недействительной сделке и виндикации против третьего лица — конечного приобретателя вещи. В абз. 4 п. 16 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 разъясняется следующее: «Принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о ее виндикации. Однако если к моменту рассмотрения виндикационного иска стоимость вещи будет уже фактически полностью уплачена должнику стороной первой сделки, то суд отказывает в виндикационном иске». И далее, в абз. 5: «При наличии двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи и о виндикации вещи у иного лица) судам необходимо учитывать следующее. Если будет исполнен один судебный акт, то исполнительное производство по второму судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке статьи 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; если будут исполнены оба судебных акта, то по позднее исполненному осуществляется поворот исполнения в порядке статьи 325 АПК РФ».

2. Данные разъяснения недавно получили конкретизацию при рассмотрении одного из дел Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (далее — Коллегия), определение которой и составляет предмет нашего анализа.

В комментируемом деле суд первой инстанции применил по иску конкурсного управляющего холдинговой компании, находящейся в состоянии банкротства, последствия недействительности ничтожной сделки (направленной на отчуждение имущества компании во вред кредиторам) в виде взыскания с другой стороны этой сделки стоимости полученного ею имущества (которое к тому времени уже было отчуждено третьему лицу — ООО). В виндикационном же требовании конкурсного управляющего, заявленном уже против ООО и направленном на истребование самого имущества в натуре, судом было отказано в связи с признанием ООО добросовестным приобретателем. Апелляционный суд не согласился с решением суда первой инстанции в этой последней части и удовлетворил претензию конкурсного управляющего об истребовании из незаконного владения ООО имущество холдинговой компании. Окружной же суд вновь отказал в виндикации — отчасти по тому же мотиву, что и суд первой инстанции, отчасти в связи с тем, что «использование судом апелляционной инстанции механизма защиты прав холдинговой компании, предусмотренного статьей 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, в отношении первого приобретателя имущества в принципе исключало возможность одновременного применения положений статьи 302 названного Кодекса и удовлетворения виндикационного иска, предъявленного к конечному покупателю».

Коллегия сочла подход окружного суда неправильным, указав следующее: «Действующее законодательство допускает защиту конкурсной массы как путем предъявления арбитражным управляющим иска о признании недействительной первой сделки об отчуждении имущества должника и применении последствий ее недействительности в виде взыскания стоимости отчужденного имущества с первого

приобретателя (статьи 61.1, 61.6 Закона о банкротстве), так и путем предъявления иска об истребовании этого же имущества из незаконного владения конечного приобретателя (статья 301, 302 Гражданского кодекса Российской Федерации)». И далее: «По смыслу разъяснений, данных в абзаце четвертом — пятом пункта 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», виндикационный иск не подлежит удовлетворению, если к моменту его рассмотрения стоимость вещи уже будет полностью возвращена должнику стороной первой сделки. В иных случаях допускается вынесение двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи с первого приобретателя и о виндикации той же вещи у конечного приобретателя). При наличии таких судебных актов, если один из них будет исполнен, исполнительное производство по второму оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке статьи 47 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»».

3. Из цитированных разъяснений Пленума ВАС РФ и их конкретного применения в комментируемом определении Коллегии можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, оба притязания могут быть реализованы в судебном порядке независимо друг от друга: судом подлежат удовлетворению оба иска, направленные на осуществление этих притязаний. (Здесь, впрочем, надо отметить некоторую недоработанность позиции высшей инстанции: признавая за холдинговой компанией право на виндикацию отчужденного ею по недействительной сделке имущества, Коллегия в своем определении неоднократно говорит тем не менее о «переходе права собственности» — сначала к контрагенту холдинговой компании по недействительной сделке, а затем к третьему лицу — ООО. Однако если бы право собственности действительно переходило в результате этих сделок, то следовало бы исключить право холдинговой компании на виндикацию, поскольку в таком случае она уже не являлась бы собственником. Думается, речь идет не о простой неточности, а о явно некорректном с юридической точки зрения словоупотреблении.)

Мотивы изложенного решения проблемы вполне понятны. Собственник не может быть вполне уверен ни в исходе судебного процесса, ни в том, что, если его иск и будет удовлетворен, судебное решение по нему будет реально исполнено (ответчик может оказаться несостоятельным, виндцированная вещь может выйти из его владения или погибнуть и т.п.). Поэтому для наиболее полной защиты интересов собственника (а следовательно, также и его кредиторов) допускается одновременное использование им обоих возможных способов защиты.

Однако, во-вторых, *виндикация от третьего лица становится невозможной* (виндикационный иск не подлежит удовлетворению), *если собственник уже получил компенсацию стоимости вещи от контрагента по недействительной сделке в порядке реституции* (при этом ВС оставляет открытыми вопросы о правовом основании ограничения виндикации и о принадлежности вещи с момента осуществления реституции).

В-третьих, следует, видимо, предположить, что согласно этой же логике должна исключаться и обратная ситуация: *реальное получение собственником своей вещи от третьего лица в порядке виндикации будет препятствовать удовлетворению реституционного иска*¹.

В-четвертых, хотя и допускается, как было сказано выше, удовлетворение обоих исков (если собственник на момент их рассмотрения еще не получил реально компенсацию стоимости своей вещи или саму эту вещь), однако *на стадии исполнительного производства исключается исполнение одного из соответствующих судебных актов в случае реального исполнения другого*: в этом случае исполнительное производство по еще не исполненному судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем.

Таким образом, при попытке одновременной реализации собственником рассматриваемых правопритязаний он встречает препятствие в тот момент, когда эта реализация привела бы к его неосновательному обогащению, т.е. когда его действия, по сути, становятся недобросовестными. Думается, что идея, лежащая в основании такого подхода, является универсальной и не ограничивается спецификой дел о банкротстве².

4. Надо отметить, что рассматриваемое решение проблемы родилось из практики. Оно не имеет основания в каких-либо законодательных определениях. В частности, к данной ситуации неприменимо правило о недопустимости тождественного иска, ибо совершенно очевидно, что иски здесь не являются тождественными — ни по предмету, ни по субъектному составу.

Правовое основание такому решению можно найти лишь в принципе недопустимости недобросовестного поведения, каковым в данном случае следовало бы считать поведение собственника, направленное на его неосновательное обогащение, а формальное (нормативное) основание для отказа в удовлетворении одного из рассматриваемых притязаний (если второе притязание уже реально удовлетворено) — в ст. 10 ГК РФ.

В свою очередь, принцип недопустимости неосновательного обогащения одного лица за счет другого объясняется применительно к анализируемой ситуации самой природой *рейперсекutorных исков*, каковыми являются оба конкурирующих средства защиты собственника, как, впрочем, вообще любые средства защиты в современном гражданском праве, направленные на имущественное возыскание. Эта природа соответствует общей *восстановительной* функции гражданского права и выражается, соответственно, в восстановительном характере указанных исков,

¹ На это обратил внимание А.Г. Карапетов, см.: Сделки, представительство, исковая давность: поста-тейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2018. С. 458 (сн. 1 — примечание А.Г. Карапетова).

² Ср. замечание на этот счет А.Г. Карапетова: «Вопрос о том, насколько тот же подход обоснован в ситуации, не связанной с банкротством собственника, пока в судебной практике однозначно не разрешен. Но в целом позиция, исключающая возможность неосновательного обогащения собственника уже на стадии удовлетворения его исков к первому или конечному приобретателям, либо на стадии исполнительного производства, кажется логичной» (Сделки, представительство, исковая давность. С. 458 (сн. 1 — примечание А.Г. Карапетова)).

в их направленности исключительно на приведение имущественного положения лица, право или интерес которого требует защиты, в состояние, имевшее место до нарушения. Из этого вытекает неписаное правило о недопустимости одновременного или последовательного использования двух или нескольких средств рейперсекунторной защиты (в смысле их реального осуществления), ибо такое использование неизбежно привело бы к неосновательному обогащению.

Подобная проблематика была хорошо известна уже римским юристам, сформулировавшим принцип *bis de eadem re ne sit actio* («да не будет дважды иска об одном и том же»), содержание которого далеко не исчерпывалось правилом о недопустимости тождественного иска в его современном понимании. При последующем предъявлении иска, хотя бы и отличного от ранее заявленного, римская юриспруденция часто признавала, что речь идет все же об «одном и том же» (*eadem res*), если оба иска основывались на тех же фактических предпосылках и были направлены на сходный практический результат³. При этом можно сказать, что сходство практического результата определялось самим рейперсекунторным характером исков (соответственно, результат, напротив, не был сходным, если наряду с рейперсекунторным использовался штрафной иск). В таких случаях действовало правило *altera electa alteram consumi* (D. 44, 7, 34 pr.): «Один [иск] выбран, другой погашается». Хотя конкретные решения разнообразных практических казусов в сфере этой проблематики не были одинаковыми, все же наблюдается «общая тенденция применять рассматриваемый принцип ко всем искам, преследующим цель сохранения — в данной практической ситуации — имущественной целостности...»⁴. Не составляла исключения, разумеется, и виндикация, являвшаяся типичным примером рейперсекунторного иска.

Юридино-техническое средство реализации рассматриваемого правила применительно к последующему иску могло состоять, например, в отказе претора предоставить заинтересованному лицу этот иск (*denegatio actionis*), в выдвижении ответчиком эксцепции о недобросовестности истца (*exceptio doli generalis*), в отказе судьи удовлетворить иск независимо от указанной эксцепции (последнее, по-видимому, было возможно лишь при заявлении исков доброй совести или в экстраординарном процессе).

5. Несмотря на авторитетность этого освященного романистической традицией подхода, возможно, как представляется, и иное решение проблемы. На мой взгляд, собственник должен *всегда* иметь право на виндикацию своей вещи⁵, даже если до этого он добился осуществления в свою пользу компенсационной реституции за счет второй стороны недействительной сделки. (Другое дело, что, сохранив свое право собственности, он будет считаться неосновательно обогатившимся, а значит, против него изначально, с момента получения стоимости вещи, возможен иск о неосновательном обогащении.) Следует учитывать, что получение собствен-

³ См.: *Arangio-Ruiz V. Istituzioni di diritto romano. 14^a edizione riveduta (rist. anastatica). Napoli, 1976. P. 159.*

⁴ *Ibid.* P. 160.

⁵ За исключением, разумеется, случая установленного ст. 302 ГК РФ ограничения виндикации. Впрочем, в этом случае происходит смена собственника спорной вещи (им становится добросовестный приобретатель), поэтому об «ограничении виндикации собственника» здесь, строго говоря, речи и не идет.

ником компенсации вовсе не означает, что «собственник отказывается от своего права собственности, и последнее переносится на первого приобретателя, а затем автоматически и на конечного приобретателя»⁶. Компенсация сама по себе не является основанием прекращения права собственности. Поэтому если принять описанный выше подход, то создавалась бы ситуация, когда лицо, оставаясь собственником вещи, не могло бы виндигировать ее, а приобретатель, у которого таким образом оставалась бы вещь, не приобретал бы на нее права. Оправданно ли создавать еще одно (прямо не предусмотренное законом) основание ограничения виндикации и решать обозначенную проблему разъединения права собственности и фактического владения при помощи института приобретательной давности (к тому же довольно несовершенного в отечественном праве)? Думается, что нет⁷.

Казалось бы, однако, что в случае с банкротством более предпочтительным *prima facie* является изложенное выше романистическое решение, воспринятое практикой ВС РФ. «Применительно к ситуации банкротства собственника, — комментирует его А.Г. Карапетов, — такое решение кажется разумным, так как в ином случае конкурсная масса может прирасти неосновательно, а исправить ситуацию за счет предъявления к собственнику иска о возврате неосновательного обогащения первым приобретателем, возместившим ранее по суду стоимость вещи в порядке компенсационной реституции, будет после ликвидации собственника в результате банкротства проблематично. Иначе говоря, здесь логично пресекать неосновательное обогащение *ex ante*»⁸.

Данное замечание кажется не лишенным оснований, однако специфика дел о банкротстве требует, по-видимому, более специализированного дискурса, который здесь не может быть предпринят. Ограничусь лишь общим замечанием, что указанная специфика, как представляется, отнюдь не исключает и предложенного нами подхода. Не вдаваясь в технические детали и терминологию процессуального права, можно предположить, что одним из возможных выходов из положения, позволяющим примирить право собственника на виндикацию с потребностью не допустить его обогащения, могло бы стать удовлетворение судом виндикационного иска собственника лишь при условии возврата последним суммы компенсации стоимости вещи, полученной им ранее в порядке реституции. При максимальной защите интересов собственника такое решение позволило бы предотвратить как неосновательное обогащение последнего, так и неосновательное приращение конкурсной массы.

⁶ Такое сомнение высказывает А.Г. Карапетов: «Впрочем, не вполне ясно последствие получения компенсационной реституции с точки зрения прав собственности на вещь: означает ли получение собственником компенсации, что собственник отказывается от своего права собственности, и последнее переносится на первого приобретателя, а затем автоматически и на конечного приобретателя? Пока данный вопрос не имеет ясного ответа в российской судебной практике» (Сделки, представительство, исковая давность. С. 458 (сн. 1 — примечание А.Г. Карапетова)).

⁷ При этом снимался бы сам собой и следующий (казалось бы, неразрешимый) вопрос, поставленный А.Г. Карапетовым: «...не вполне ясно, как следует поступить в ситуации, когда собственник получил лишь часть той денежной компенсации, которую присудил суд... блокируется ли возможность виндикации в такой ситуации? Логично предположить, что нет. Но что если решение суда о компенсационной реституции было исполнено на 99%, после чего первый приобретатель впал в банкротство? Вопрос пока не имеет ответа» (Там же).

⁸ Там же.